

ИСТОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ОПУБЛИКОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНВЕНЦИИ ООН О ДОГОВОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ (ВЕНА, 1980 г.) В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ ЕЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Целью настоящей небольшой работы является освещение весьма любопытного, хотя и несколько технического по своей природе вопроса об официальном опубликовании в России Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее также именуемой “Конвенция”), причем в свете проблемы зависимости применения Конвенции от такого опубликования, а также попутное выявление на данном примере некоторых весьма серьезных проблем, относящихся к применению в России ее международных договоров.

История официального опубликования Конвенции в России является весьма поучительной. В ней как в зеркале отразились многочисленные проблемы, связанные с обнародованием в России международных договоров, причем проблемы, до сих пор до конца не решенные: задержки с опубликованием или вообще отсутствие такового, качество публикуемых текстов, влияние наличия или отсутствия официальной публикации на возможность применения международного договора, и некоторые иные.

Отметим сразу, что далее речь пойдет об опубликовании Конвенции именно в официальных отечественных источниках, а не о ее приведении в изданиях международных организаций. В частности, не следует принимать во внимание текст Конвенции, опубликованный в издании ООН “Конференция Организации Объединенных Наций по договорам международной купли-продажи товаров. Вена, 10 марта - 11 апреля 1981 года. Официальные отчеты. Документы Конференции и краткие отчеты пленарных заседаний и заседаний главных комитетов”, выпущенном в Нью-Йорке в 1981 г.¹, или же текст Конвенции, приведенный в издании “Комиссия Организации Объединенных Наций по Праву Международной Торговли. Ежегодник. Том XI: 1980 год”, выпущенном в Нью-Йорке в 1982 г. Очевидно, что если считать наличие Конвенции в упомянутых изданиях ее официальным опубликованием, то все излагаемое ниже будет являться излишним.

Как известно, Конвенция является международным соглашением, вводящим единообразное регулирование международных сделок купли-продажи товаров и основанным на компромиссе подходов романо-германской и англо-американской правовых систем. При этом Конвенция пользуется поистине всемирным признанием: на 1 января 2000 г. она действовала для 57 государств, общая доля которых в мировой торговле составляет более двух третей, и их число продолжает увеличиваться. Все это превращает Конвенцию в уникальный правовой акт, до сих пор не имевший аналогов в истории юриспруденции.

Представители СССР принимали участие в Конференции Организации Объединенных Наций по договорам международной купли-продажи товаров, на которой Конвенция была принята. Однако последняя от имени СССР на этой Конференции подписана не была. Только через десять лет, 23 мая 1990 г., Верховный Совет СССР принял Постановление № 1511-1 “О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров”. Данное Постановление было опубликовано за номером 428 в “Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР”, номер 23 от 6 июня 1990 г. Столь позднее присоединение СССР к Конвенции объясняется тем, что некоторые союзные ведомства не видели смысла в присоединении к Конвенции до тех пор, пока к ней не присоединятся основные торговые партнеры СССР. Соответственно, вопрос о присоединении последнего к Конвенции начал

приобретать актуальность для таких ведомств только в конце 80-х годов, когда Конвенция вступила в силу уже, например, для США, Франции, Италии, Финляндии и ряда других государств.

Грамота о присоединении СССР к Конвенции была сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 16 августа 1990 г.². Соответственно, Конвенция вступила в силу для СССР 1 сентября 1991 г. согласно пункту 2 ее статьи 99, который устанавливает: *“Если государство ратифицирует, принимает, утверждает настоящую Конвенцию или присоединяется к ней после сдачи на хранение десятой ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении, настоящая Конвенция, за исключением непринятой части, вступает в силу для данного государства, при условии соблюдения положений пункта 6 настоящей статьи, в первый день месяца, следующего за истечением двенадцати месяцев после даты сдачи на хранение его ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении”*.

Действовавшая в тот период часть 1 статьи 5 Закона СССР “О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами” от 31 июля 1989 г. № 307-І³ предусматривала: *“В “Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР” по представлению Министерства иностранных дел СССР публикуются вступившие в силу для СССР международные договоры, заключенные от имени Союза ССР и ратифицированные Верховным Советом СССР”*. Далее, статья 25 Закона СССР “О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР” от 6 июля 1978 г. № 7770-ІХ⁴ устанавливала, что *“Вступившие в силу для СССР международные договоры, заключенные от имени Союза ССР, решения о подписании которых приняты Президиумом Верховного Совета СССР, международные договоры СССР, заключенные от имени Президиума Верховного Совета СССР, ратифицированные договоры и договоры, присоединение к которым осуществлено на основании решений Президиума Верховного Совета СССР, публикуются по представлению Министерства иностранных дел СССР в “Ведомостях Верховного Совета СССР”*.

Вступившие в силу для СССР международные договоры, заключенные от имени Союза ССР, решения о подписании которых приняты Советом Министров СССР, договоры, заключенные от имени Правительства СССР и не подлежащие ратификации, договоры, присоединение к которым было осуществлено на основании решений Совета Министров СССР, публикуются по представлению Министерства иностранных дел СССР в Собрании постановлений Правительства СССР.

Международные договоры СССР, аутентичные тексты которых составлены на иностранных языках, публикуются на одном из этих языков с официальным переводом на русский язык.

Порядок опубликования международных договоров СССР межведомственного характера определяется Советом Министров СССР”.

Очевидно, что Конвенция должна была быть опубликована в “Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР” (выпуск которых был начат в июне 1989 г. вместо “Ведомостей Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик”), а не в “Собрании Постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик” (вполне естественно, она и не была в нем опубликована). Тем не менее, в 1991 г. такая публикация не появилась ни в “Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР”, ни в каком-либо другом официальном издании СССР или России.

Нет никаких сомнений в том, что публикации Конвенции в “Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР” (с 41-го номера 1991 г. они

стали именоваться “Ведомости Верховного Совета СССР”) помешало только то, что в декабре 1991 г. Союз ССР прекратил свое существование. Вообще говоря, следует воздать должное Отделу опубликования актов Секретариата Верховного Совета СССР как издателю “Ведомостей”: за 1991 год были выпущены все их 52 номера, причем в последнем был помещен годовой указатель, последние Указы Президента СССР и сообщение о том, что в связи с упразднением Верховного Совета СССР выпуск “Ведомостей Верховного Совета СССР” прекращается. Ввиду этого очевидно, что официальное опубликование Конвенции в 1991 г. не состоялась именно по определенным техническим причинам, а не ввиду невнимательности лиц, за такое опубликование ответственных.

Как известно, после прекращения существования СССР Российская Федерация стала продолжать осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из международных договоров, заключенных Союзом Советских Социалистических Республик⁵. Соответственно, Конвенция для Российской Федерации продолжала действовать, равно как и продолжал сохранять актуальность вопрос о ее официальном опубликовании в России.

Тем не менее, что касается периода после 1991 г., то Конвенция не была опубликована ни в “Ведомостях Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР”, с шестого номера 1992 г. называвшихся “Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации” (выходивших и в 1992, и в 1993 гг. (в последнем, правда, его выпуск был досрочно прерван)), ни тем более в “Собрании Постановлений Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики” (выходившем в 1991 г.), а также ни в “Собрании Постановлений Правительства Российской Федерации” (выходившем в 1992 г. (по июль месяц)), ни в “Собрании актов Президента и Правительства Российской Федерации” (выходившем с июля 1992 г. по апрель 1994 г.). Равным образом, вплоть до настоящего момента Конвенция не была опубликована в таких продолжающих выходить официальных изданиях, как “Бюллетень международных договоров” (издаваемом с марта 1993 г.) или “Собрание законодательства Российской Федерации” (издаваемом с мая 1994 г.).

Правда, следует указать на то, что Конвенция была опубликована в одном из ведомственных изданий, а именно в первом номере “Вестника Высшего арбитражного суда Российской Федерации” за 1994 г. (что же касается изданий других высших судебных инстанций Российской Федерации, то в них Конвенция не публиковалась).

Последнее обстоятельство, безусловно, имеет некоторое значение с точки зрения вопроса о наличии официальной публикации Конвенции в России. Вместе с тем, приравнять приведение Конвенции в “Вестнике Высшего арбитражного суда Российской Федерации” к ее полноценной официальной публикации в России все же не позволяют два очень существенных обстоятельства: отсутствие, во-первых, у этого издания официального статуса (в самом “Вестнике”, равно как и в действующих российских нормативных актах, указывается только на то, что он является изданием Высшего Арбитражного Суда России, но нигде не упоминается о его официальном характере. Учитывая то, что российское право принадлежит к континентальной системе, данное обстоятельство совсем не удивительно), и, во-вторых, ведомственный его характер.

Так что же, официальная публикация Конвенции в Российской Федерации отсутствует? Нет, это не так. Дело в том, что в 1994 г. в Москве издательством “Международные отношения” была выпущена книга под названием “Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года, которые в настоящее время являются договорами Российской

Федерации как государства – продолжателя Союза ССР”, и в ней на страницах 335-357 был помещен текст Конвенции. При этом данная книга была издана под эгидой Министерства иностранных дел России, а на последней ее странице имеется следующее указание: “Официальное и документальное издание”. Кроме того, это издание, как видно из его названия, является томом XLVII специальной серии сборников международных договоров СССР (выпуск которой, как известно, был начат в СССР еще в 20-х годах), причем самым последним из опубликованных.

Представляется, что на сегодняшний день в качестве единственно официального и авторитетного может рассматриваться только текст Конвенции в указанном издании. При этом следует учитывать, что такая публикация Конвенции не носила ведомственного характера: нельзя считать, что указание в книге, в которой она была помещена, на Министерство иностранных дел России, придает ей подобный характер. Наконец, можно принимать во внимание и то, что издание данной книги осуществлялось государственным издательством.

Однако, это совсем еще не значит, что с такой публикацией все обстоит идеально.

Во-первых, не является достаточно ясным сам статус серии сборников международных договоров СССР, в рамках которой упомянутая книга была опубликована: указание на официальный характер издания по какой-то причине присутствует далеко не во всех томах этой серии.

Во-вторых, книга “Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года, которые в настоящее время являются договорами Российской Федерации как государства – продолжателя Союза ССР” была выпущена тиражом всего лишь в 500 экземпляров. Стоит ли говорить о том, насколько эта цифра в масштабах России ничтожна? Наконец, данная книга не являлась подписным изданием, а распространялась в свободной продаже (впрочем, вполне вероятно, что она была приобретена и некоторыми крупнейшими библиотеками). Тем не менее, является очевидным, что на сегодняшний день она представляет собой библиографическую редкость. Если с этой точки зрения ее сравнивать с “Бюллетенем международных договоров”, на который можно подписаться любому, и тираж которого колеблется в пределах от около 2000 до приблизительно 3000 экземпляров, то преимущества последнего неоспоримы.

В-третьих, в тексте Конвенции в данной книге встречаются, по меньшей мере, две серьезные опечатки (не говоря уже о других, незначительных несоответствиях тексту, принятому на Конференции ООН). Так, например, вместо термина “акцент” в статье 12 текста Конвенции присутствует слово “акцент”, а вместо понятия “последствие” в статье 74 использовано слово “доследствие”. Впрочем, после историй с публикациями, например, Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ “Об акционерных обществах”⁶, в котором было допущено несколько технических ошибок, и тем более Налогового кодекса Российской Федерации (части первой) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ⁷, в котором число таких ошибок выросло на порядок, удивляться факту допущения в 1994 г. ошибок в тексте Конвенции не приходится, тем более что и раньше в упомянутой серии сборников международных договоров СССР допускались очевидные неточности.

Несколько отвлекаясь от основной задачи настоящей статьи, можно утверждать, что русский текст Конвенции преследует своего рода “злой рок”. Как известно, из статьи 68 официального текста Конвенции на русском языке, принятого на Конференции 1980 г.⁸, по технической причине выпали положения, которые присутствовали в английском и французском текстах⁹. Следует также отметить, что наблюдаются и некоторые другие отличия официального текста Конвенции на русском языке от официального текста на английском языке. Кроме того, в

официальном русском тексте Конвенции, принятом на Конференции 1980 г., присутствует ряд грамматических и пунктуационных ошибок. Наконец, различные тексты, изданные в России, также далеко не единообразны (хотя в большинстве случаев речь идет о незначительных несоответствиях). Достаточно сказать, что даже в книге “Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий” (Москва, 1994 г.) текст Конвенции, приведенный в конце, отличается от комментируемого текста¹⁰.

Одно только описание всех упомянутых выше моментов могло бы составить тему для отдельной работы. И ее не следует воспринимать как ненужную: речь идет о весьма важном международном договоре, и коль скоро качество его публикации является далеко не идеальным, то что же можно сказать о других международных соглашениях и как иначе можно исправить ситуацию на будущее?

Тем не менее, на основании сказанного, следует констатировать, что, хотя официальное опубликование Конвенции в Российской Федерации, не носящее ведомственный характер, и состоялась, однако оно сопровождалась, по меньшей мере, досадными недоразумениями.

Однако вслед за констатацией такого факта официального опубликования Конвенции в Российской Федерации возникают еще три очень важных вопроса: **а)** с какого момента Конвенция должна считаться официально опубликованной?; **б)** имела ли вообще какое-либо юридическое значение официальная публикация Конвенции в России, или же она не была необходима?; **в)** могла ли Конвенция применяться отечественными правоприменительными органами с 1 сентября 1991 г. и до момента ее официального опубликования?

Автор настоящей статьи не является специалистом в такой сложной материи, как право международных договоров и применение последних во внутрисударственном праве, но, тем не менее, он попытается ответить на поставленные вопросы, тем более учитывая то, что, насколько ему известно, в отечественной литературе они до сих пор не освещались.

Ответ на первый вопрос должен звучать так: коль скоро точная дата выхода в свет книги “Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года, которые в настоящее время являются договорами Российской Федерации как государства – продолжателя Союза ССР” достоверно неизвестна, то и утверждать о точной дате официального опубликования Конвенции в России невозможно: она будет в любом случае приблизительной и должна быть отнесена к началу 1994 г. Учитывая, что указанная книга, как сообщается в ней самой, была сдана в набор 24 марта 1993 г., подписана в печать 2 ноября 1993 г., печаталась в Туле, а ее тираж равнялся 500 экземплярам, то ориентировочно за дату официального опубликования Конвенции, с учетом всех возможных задержек, можно было бы принять, по меньшей мере, 1 февраля 1994 г. В связи с этим повторим еще раз, что публикация Конвенции в первом номере “Вестника Высшего арбитражного суда Российской Федерации” за 1994 г. не может считаться официальной, ввиду чего в дальнейшем принимать ее во внимание мы не будем.

Ответ на второй вопрос, как может показаться на первый взгляд, более прост: например, коль скоро согласно пункту 4 статьи 15 Конституции России международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и применительно к ним вообще, а к Конвенции в частности, в целом может быть использовано, опуская некоторые юридические тонкости, понятие “*нормативный правовой акт*”, то на них и на Конвенцию автоматически должно распространяться следующее положение пункта 3 статьи 15 Конституции России: “*Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не*

опубликованы официально для всеобщего сведения” (при этом далее мы будем исходить из того, что на Конвенцию не распространяются следующие нормы пункта 3 статьи 15 Конституции России: “Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются”. Представляется, что понятием “закон” в данных нормах обозначается особая форма внутринационального нормативного акта, с международным договором не отождествляемая). Соответственно, из всего этого может следовать, что официальная публикация Конвенции должна была иметь существенное юридическое значение: без нее Конвенция применению в России не подлежала.

Следует особо подчеркнуть, что официальная публикация международных договоров рассматривается в качестве необходимой предпосылки их применения не только в России, но и во многих развитых западных государствах. *“Существенным условием применения судами договоров является их публикация в установленном порядке. Известно немало случаев, когда суды отказывались применять договоры, не отвечающие этому условию. На этом основании гражданский трибунал департамента Сена в решении от 5 ноября 1955 г. по делу Компания предприятий Никола пр. Ко. Триест отказался применить постановления франко-итальянского соглашения 1951 г.*

В решении от 19 марта 1981 г. Кассационный суд Бельгии четко сформулировал точку зрения, согласно которой договор не может обязывать индивидов и не может быть обращен против них, если он не опубликован должным образом.

Требование опубликования, обнародования договоров вытекает из одного из важнейших принципов права, признанных цивилизованными нациями, в соответствии с которым человек обязан соблюдать лишь те нормы права, которые опубликованы в общедоступной форме”¹¹; “В Австрии, впрочем, как и в других западно-европейских странах, большое юридическое значение придается официальной публикации. В решении от 20 февраля 1952 г. Верховный суд признал ничтожным и недействительным во внутригосударственной сфере австрийско-американское межправительственное соглашение на том основании, что оно не получило согласия Национального собрания и не было опубликовано в ... [официальном] бюллетене. Факт публикации в официальной “Венской газете” был сочтен недостаточным”¹².

Взгляд, согласно которому понятие “нормативный правовой акт” части 3 статьи 15 Конституции России должно быть применимо в том числе и к международным договорам Российской Федерации, активно защищается в современной российской доктрине¹³. В связи со всем этим никак нельзя считать, что пункт 4 статьи 15 Конституции России (“Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора”) преследовал цель автоматически превращать положения международных договоров России (по меньшей мере, тех, которые затрагивают права, свободы и обязанности человека) во внутригосударственное регулирование, непосредственно применимое всегда, причем вне зависимости от официального опубликования таких договоров. Соответственно, нельзя не признать некоторую неудачность формулировки данного пункта, благодаря которой некоторые могут придерживаться противоположного взгляда.

В пользу неправильности последнего свидетельствует и пункт 3 статьи 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”¹⁴, который предусматривает, что “Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие

издания *внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты*”. Однако и в данном случае нельзя не признать, что принцип обязательного официального опубликования международного договора как необходимого условия его применения во внутринациональной сфере выражен в приведенной статье несколько косвенно.

В связи со всем сказанным следует сделать еще одну существенную оговорку: далее в настоящей статье автор будет исходить из того, что норма статьи 27 “Внутреннее право и соблюдение договоров” Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.¹⁵ (“Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора”) является применимой исключительно в сфере взаимоотношений государств как субъектов международного публичного права, а не во внутринациональной сфере. Только таким толкованием данной нормы можно предотвратить неизбежно возникающее в ином случае противоречие между ней и требованием официального опубликования международного договора, вводимого не только Конституцией России, но и Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”. В самом деле, стоит только признать статью 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. применимой во внутринациональной сфере, то любой международный договор может считаться применимым в Российской Федерации с момента вступления его для последней в силу вне зависимости от соблюдения требования российского права о необходимости его официального опубликования на российской территории. Но при этом такой результат был бы возможен только при допущении следующих двух условий:

- а) при рассмотрении пункта 4 статьи 15 Конституции России в отрыве от пункта 3 этой же статьи и игнорировании принципа *Non obligat lex nisi promulgata*; и
- б) при признании приоритета статьи 27 Венской конвенции о праве международных договоров над Конституцией России.

Однако первое невозможно: положения Конституции России друг от друга быть независимыми не могут, а принцип *Non obligat lex nisi promulgata* провозглашается в ней особо. Кроме того, такое допущение современной российской доктриной, как уже говорилось выше, отвергается. Равным образом в сфере российского права невозможно и второе: “При всех условиях следует исходить из того, что ратифицированные договоры могут отменять или устанавливать любую правовую норму, за исключением конституционной”¹⁶.

Как известно, *Interpretare et concordare leges legibus, est optimus interpretandi modus*. Ввиду этого надлежит считать, что статья 27 Венской конвенции о праве международных договоров является применимой исключительно в сфере взаимоотношений государств как субъектов международного публичного права, и тогда все встает на свои места: государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора в отношениях с другими государствами и должно сделать все, чтобы такие положения не препятствовали выполнению договора и применению последнего на его территории. Если же государство этого не делает, то оно нарушает свои обязательства перед другими государствами и должно нести за это ответственность, но при этом такое его бездействие вовсе не означает, что упомянутые положения его внутреннего права не должны применяться. Ситуация, при которой международный договор вступил для государства в силу и должен им выполняться, но признается судами этого государства на территории последнего неприменимым, вовсе не является абсурдной, если рассматривать государство именно как субъекта

международного публичного права, обязательства которого не отождествляемы с обязательствами его органов по соблюдению внутринационального регулирования, этим же государством установленного.

В пользу сказанного этого говорит и лингвистическое толкование упомянутой нормы статьи 27 Венской конвенции о праве международных договоров. Так, в ней используются термины “соблюдение” и “невыполнение”, в то время как в пункте 3 статьи 15 Конституции России используется понятие “применяться”. Очевидно, что они имеют в виду разные сферы регулирования и являются непересекающимися: первые относятся к государствам как субъектам международного публичного права, в то время как второе относится к внутригосударственным правоприменительным органам, которые стороной по международному договору не являются и обязаны не соблюдать его, а применять, но только тогда и в тех пределах, когда и в которых государство как таковое создаст для такого применения предпосылки, требуемые установленным им же законодательством: *“Совершенно очевидно, что договор, о наличии которого не доведено до сведения непосредственных исполнителей, не может быть ими исполнен, а это означает, что неисполнение конкретными лицами международного договора автоматически влечет нарушение этого договора со стороны государства. Из этого следует, что опубликование договора является одним из условий его добросовестного выполнения, но само по себе не влияет на его действительность”*¹⁷. Далее, в статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров используется понятие “Участник”. Является очевидным, что оно применимо только к государству в его взаимоотношениях с другими государствами, а не к правоприменительным органам первого. Ввиду этого требовать от таких органов руководствоваться в своей деятельности статьей 27 Венской конвенции о праве международных договоров невозможно: она к ним неприменима.

Возвращаясь к вопросу о Конвенции, укажем еще раз на то, что пункт 3 статьи 15 Конституции России обуславливает необходимостью официального опубликования применение только тех нормативных правовых актов (включая, как уже указывалось, международные договоры), которые **затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина**. Учитывая, что Конвенция была официально опубликована позднее вступления в силу Конституции России (напомним, что последняя вступила в силу 25 декабря 1993 г., то есть в день ее официального опубликования в “Российской газете”), нам следует решить, какое значение данное обстоятельство может иметь в отношении вопроса о возможности применения Конвенции в Российской Федерации в период между моментом вступления Конституции России в силу и моментом официального опубликования Конвенции (условно – 1 февраля 1994 г.). Иными словами, затрагивает ли Конвенция права, свободы и обязанности человека и гражданина?

Что же касается пункта 3 статьи 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”, в котором говорится об официальном опубликовании уже всех международных договоров, а не только тех, которые затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, то данный аспект интересовать нас не должен: к моменту вступления этого Федерального закона в силу Конвенция уже была официально опубликована.

Соответственно, можно, разумеется, утверждать, что Конвенция, являясь нормативным правовым актом, не затрагивает права, свободы и обязанности человека и гражданина. Если это действительно так, то является очевидным, что вопрос об официальном опубликовании Конвенции не имеет никакого значения, возможность применения Конвенции является безусловной, а дальнейший анализ в настоящей статье смысла не имеет.

Однако все же представляется, что Конвенция права, свободы и обязанности человека и гражданина затрагивает. Не вдаваясь в глубокое рассмотрение вопроса о том, что это за права, свободы и обязанности и придавая понятию Конституции России “затрагивать” значение “*быть связанным с чем-либо*” (а не значение “*ущемлять*”: если предпочесть последнее, более узкое толкование, то, с одной стороны, резко уменьшается возможность контроля общества за правотворческой деятельностью, а с другой - резко расширяются возможности для произвола в правоприменительной сфере), отметим только, что к их числу может быть отнесено, например, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (часть 1 статьи 34 Конституции России) или право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2 статьи 35 Конституции России). Далее, можно утверждать, что затрагивает упомянутые права, свободы и обязанности статья 12 Конвенции¹⁸.

Кроме того, научная объективность требует в любом случае прибегать не к упрощенному взгляду, надеясь на то, что требование об официальном опубликовании на Конвенцию не распространяется, а предпочитать подход, предусматривающий максимально строгие условия применения последней в Российской Федерации. Ввиду вышесказанного следует исходить из того, что пункт 3 статьи 15 Конституции России на Конвенцию распространяться должен.

Но если это так, то можно также утверждать, что данный пункт Конституции России действует не только в ситуациях, в которых рассматривается вопрос о применении Конвенции к отношениям с участием физических лиц, но и в ситуациях, в которых рассматривается вопрос о применении Конвенции к отношениям с участием юридических лиц: в соответствии с толкованием, данным Конституционным Судом России, нормы Конституции России применимы и к юридическим лицам, коль скоро последние создаются гражданами в целях совместной реализации таких своих уже отмечавшихся конституционных прав, как право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами¹⁹.

Соответственно, следует исходить из того, что пункт 3 статьи 15 Конституции России распространяется на Конвенцию как на нормативный правовой акт, затрагивающий права, свободы и обязанности не только физических, но и юридических лиц.

Из сказанного следует сделать один важный вывод: после 1 февраля 1994 г. (условно принятого момента официального опубликования Конвенции) возможность применения Конвенции в России не подлежит абсолютно никакому сомнению, даже несмотря на все недостатки ее официальной публикации: по меньшей мере, ни Конституция России, ни Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”, равно как и никакое другое российское регулирование не обуславливают возможность применения в России нормативного акта, в том числе международного договора, необходимостью отсутствия в нем ошибок либо необходимостью превышения цифры “500” количеством публикуемых его экземпляров.

Но как быть с возможностью применения Конвенции в период до 1 февраля 1994 г.?

Выше уже указывалось, что из нормы пункта 3 статьи 15 Конституции России (“*Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не*

опубликованы официально для всеобщего сведения”) может вытекать, что официальная публикация Конвенции должна была иметь существенное юридическое значение: без нее Конвенция применению в России не подлежала.

Тем не менее, данный вывод надлежит использовать, учитывая два момента: институт отсутствия у любого нормативного акта по общему правилу обратной силы и особый статус таких правовых актов, как международные договоры.

Так, первый из таких моментов позволяет утверждать, что коль скоро ни Конституция России, ни Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации” не имели обратной силы, то и содержащиеся в них нормы, посвященные официальному опубликованию, могут распространяться только на период после их вступления в силу, но не на временные промежутки, ему предшествовавшие.

А это уже подводит нас к третьему вопросу: могла ли Конвенция применяться в СССР или в Российской Федерации до момента ее официального опубликования? Попробуем теперь найти ответ именно на него, оставив на время второй вопрос (имело ли вообще какое-либо юридическое значение официальное опубликование Конвенции в России, или же оно не было необходимо) и учитывая то, что в итоге ответ на третий вопрос одновременно должен помочь нам максимально объективно разрешить и второй.

Учитывая все сказанное выше, а также то, что в качестве условной даты официального опубликования Конвенции можно принять 1 февраля 1994 г., такой третий вопрос может быть модифицирован следующим образом: могла ли Конвенция применяться в СССР или в Российской Федерации с 1 сентября 1991 г. до момента ее официального опубликования, и, в особенности, в период между 25 декабря 1993 г. (датой вступления в силу Конституции России) и 1 февраля 1994 г.?

Сначала рассмотрим вопрос применительно к периоду с 1 сентября 1991 г. по 25 декабря 1993 г. Прежде всего, возникает следующая проблема: действовали ли в СССР и/или в Российской Федерации в течение этого времени какие-либо нормативные положения, которые устанавливали бы, что в отсутствие официальной публикации международный договор, вступивший в силу для СССР и/или Российской Федерации, применению на его/ее территории не подлежит?

Проведенный автором настоящей статьи анализ действовавшего в то время законодательного массива позволяет прийти к выводу о том, что именно такие положения в советском и/или российском праве отсутствовали.

Бесспорно, что в рассматриваемый период существовали нормативные акты по поводу опубликования вступивших в силу международных договоров, однако в них ничего не говорилось об обязательности их официальной публикации и тем более не ставилась в зависимость от такого опубликования возможность их применения. Это с очевидностью следует из уже цитированных выше статьи 5 Закона СССР “О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами” от 31 июля 1989 г. № 307-I, а также статьи 25 Закона СССР “О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР” от 6 июля 1978 г. № 7770-IX. То же самое можно утверждать и применительно к статье 5 Закона РСФСР от 13 июля 1990 г. “О порядке опубликования и вступления в силу законов РСФСР и других актов, принятых Съездом народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и их органами”²⁰, не говоря уже о том, что она на Конвенцию не распространялась.

Вместе с тем нельзя не отметить, что 29 ноября 1990 г. Комитетом конституционного надзора СССР было принято Заключение № 12 (2-12) “О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан”²¹. В его резолютивной части было

сказано: *“На основании изложенного и руководствуясь статьей 124 Конституции СССР, статьями 12, 18 и 21 Закона СССР “О конституционном надзоре в СССР”, Комитет конституционного надзора СССР пришел к заключению:*

1. Опубликование законов и других нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, то есть доведение их тем или иным способом до всеобщего сведения, является обязательным условием применения этих актов. *Статья 4 Закона СССР “О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами”, пункты 1, 2, 5 постановления Совета Министров СССР от 20 марта 1959 года № 293 “О порядке опубликования и вступления в силу постановлений и распоряжений Правительства СССР” и другие нормативные положения в той их части, в которой они прямо или косвенно допускают вступление в силу неопубликованных нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, не соответствуют Конституции СССР и международным актам о правах человека и в этой части утрачивают силу с момента принятия настоящего Заключения.*

2. На основании статьи 22 Закона СССР “О конституционном надзоре в СССР” ранее принятые, но не опубликованные нормативные акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, подлежат опубликованию соответствующими государственными органами в трехмесячный срок со дня принятия настоящего Заключения. Акты, которые не будут опубликованы, по истечении этого срока, утрачивают силу” (выделение мое. – М.А.). Как видно, данное Заключение прямо указало на зависимость возможности применения нормативного акта от его опубликования. Ввиду вышесказанного от других положений этого Заключения для большей простоты следует в дальнейшем абстрагироваться.

В данном Заключении обращают на себя внимание два момента: во-первых, в нем идет речь только о нормативных актах, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, а во-вторых, в нем устанавливается необходимость не официального опубликования таких актов, а необходимость их опубликования вообще, то есть необходимость доведения их тем или иным способом до всеобщего сведения (при этом никаких формальных критериев того, что следует считать надлежащим доведением нормативного акта тем или иным способом до всеобщего сведения, в Заключении не предлагается. Однако представляется, что это вовсе не означает возможность и необходимость отсутствия подобных критериев: слова *“до всеобщего сведения”* указывают на то, что какой-то минимум количества публикуемых или иным образом распространяемых экземпляров быть должен и определять его следует, исходя из критериев разумности).

Как следует из вышеизложенного, первый из отмеченных моментов для анализируемой ситуации с Конвенцией не должен иметь никакого значения: последнюю следует рассматривать как нормативный правовой акт, затрагивающий права, свободы и обязанности не только физических, но и юридических лиц (и уж тем более касающийся их). Однако второй момент весьма и весьма существенен.

В связи с этим возникает вопрос: а была ли Конвенция к 1 сентября 1991 г. или позднее опубликована, пусть и неофициально, то есть доведена тем или иным способом до всеобщего сведения? Ответ на него должен быть дан положительный: так, текст Конвенции был опубликован, например, в Москве издательством Университета дружбы народов еще в 1989 г. в книге *“Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран. Сборник нормативных актов. Обязательственное право”*, вышедшей тиражом в 7550 экземпляров. Данный текст следует считать одной из самых первых публикаций Конвенции в отечественной

литературе, хотя и имевшей место до того, как Конвенция вступила для СССР в силу.

Кроме того, в начале 1990 г. в Москве издательством “Международные отношения” тиражом в 12300 экземпляров была выпущена книга И.С. Зыкина “Договор во внешнеэкономической деятельности”, в разделе “Приложение” которой был опубликован текст Конвенции. Далее, в 1991 г. в Москве под эгидой Торгово-промышленной палаты СССР и В/О “Внешэкономсервис” тиражом в 12000 экземпляров была выпущена книга “Сборник международных договоров и других документов, применяемых при заключении и исполнении внешнеэкономических контрактов” (составители: В.В. Иванов, П.А. Кравчук, консультант и автор предисловия – М.Г. Розенберг), в которой также был напечатан текст Конвенции. Помимо этого, в 1991 г. текст Конвенции был опубликован в седьмом и восьмом номерах журнала “Внешняя торговля”, который являлся теоретическим и научно-методическим изданием Министерства внешних экономических связей СССР (хотя и не имел статус официального издания последнего)²².

Поскольку все указанные издания были выпущены до 1 сентября 1991 г., следует указать, что достаточно скоро после 1 сентября 1991 г. в Москве Внешнеэкономическим центром “Совинтерюр” тиражом в 6000 экземпляров была опубликована брошюра М.Г. Розенберга “Заключение договора международной купли-продажи товаров”, содержащая текст Конвенции (выявить более точно дату выхода в свет данной брошюры, исходя из нее самой, довольно затруднительно: данные о сдаче в набор и подписании в печать в ней отсутствуют. Тем не менее, по свидетельству автора данной брошюры и других очевидцев, эта дата может быть отнесена к октябрю или началу ноября 1991 г.). Существенно и то обстоятельство, что данная брошюра распространялась среди юристов и других практических работников в сфере права на многих проводившихся в то время семинарах и конференциях, посвященных регулированию внешнеэкономической деятельности.

Отметим также, что к 1 сентября 1991 г. положения Конвенции уже неоднократно рассматривались в отечественной доктрине²³, а факт присоединения СССР к ней также не остался для юридической общественности незамеченным²⁴. Общеизвестно и то, что после 1 сентября 1991 г. текст Конвенции неоднократно публиковался в различных неофициальных источниках.

Таким образом, коль скоро имели место все указанные выше публикации (а одна из них в журнале Министерства внешних экономических связей СССР), причем в Москве, причем как до момента вступления Конвенции в силу, так и позднее, и их совокупный тираж был достаточно значительным, следует констатировать, что требования Заключения Комитета конституционного надзора СССР № 12 (2-12) от 29 ноября 1990 г. “О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан” применительно к Конвенции являлись соблюденными: последняя как к 1 сентября 1991 г., так и после него, была опубликована, пусть и неофициально, то есть доведена именно до всеобщего сведения путем ее приведения в различных печатных общедоступных изданиях.

Таким образом, 1 сентября 1991 г. Конвенция не только вступила в силу для СССР, но и обрела свойство быть применимой на его территории независимо от своего официального опубликования: действующее в тот момент законодательство для такой применимости признавало достаточной обычную публикацию, а последняя была осуществлена.

Сказанное подтверждается еще и следующим: 5 сентября 1991 г. пятый внеочередной Съезд народных депутатов СССР принял “Декларацию прав и свобод человека”²⁵, в части 2 статьи 12 которой говорилось: “Опубликование законов и других нормативных актов является обязательным условием их применения”. Как

видно, данная Декларация также ограничивалась требованием обычного, а не официального опубликования.

Само собой разумеется, что Заключение Комитета конституционного надзора СССР № 12 (2-12) от 29 ноября 1990 г. и указанная норма “Декларации прав и свобод человека” являлись только первыми шагами на пути утверждения в отечественном праве принципа *Non obligat lex nisi promulgata*, а нормативное регулирование данного вопроса продолжило свое развитие и позже (данный путь, кстати, до конца не пройден до сих пор). В связи с этим обращают на себя внимание еще два акта, принятые в Российской Федерации, положения которых связаны с рассматриваемым сейчас вопросом.

Во-первых, Постановлением Верховного Совета РСФСР 22 ноября 1991 г. была принята “Декларация прав и свобод человека и гражданина”²⁶, часть 2 статьи 35 которой предусматривала: *“Закон, предусматривающий наказание граждан или ограничение их прав, вступает в силу только после его опубликования в официальном порядке”*.

Во-вторых, 30 ноября 1992 г. Конституционным Судом России было принято Постановление “По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 года № 79 “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 года № 90 “Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 года № 169 “О деятельности КПСС и КП РСФСР”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР”²⁷. В предпоследнем абзаце раздела I мотивировочной части этого Постановления говорилось: *“В пункте 6 Указа устанавливалось, что он вступает в силу с момента его подписания. Однако согласно общим принципам права любой правовой акт, носящий общеобязательный характер и затрагивающий права, свободы и обязанности человека, должен вступать в силу не ранее чем после его опубликования или доведения до всеобщего сведения иным способом”*, а в пункте 6 раздела I его резолютивной части устанавливалось: *“Признать пункт 6 Указа не соответствующим общему принципу права, согласно которому закон и иной нормативный акт, предусматривающий ограничение прав граждан, вступают в силу только после его опубликования в официальном порядке”*.

Итак, с одной стороны, Конституционный Суд России повторил вывод Комитета конституционного надзора СССР, а с другой - в российском праве благодаря Верховному Совету РСФСР появилось положение, затем повторенное Конституционным Судом России в Постановлении от 30 ноября 1992 г., согласно которому закон и иной нормативный акт²⁸, предусматривающий ограничение прав граждан, вступают в силу только после его опубликования, причем в официальном порядке. При этом интересно то, что Конституционный Суд России в одном и том же Постановлении допустил непоследовательность: сначала он упомянул акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека, и упомянул о необходимости их опубликования вообще, а в конечном итоге сказал об актах, предусматривающих ограничение прав граждан и указал на необходимость их опубликования в официальном порядке.

В связи с этим встает следующий вопрос: применимо ли положение части 2 статьи 35 “Декларации прав и свобод человека и гражданина” к Конвенции? Представляется, что ответ должен быть отрицательным. Во-первых, вряд ли можно утверждать, что Конвенция, даже и являясь нормативным актом, ввела какие-либо ограничения прав граждан или юридических лиц. Бесспорно то, что она, как уже указывалось выше, касалась таких прав и/или затрагивала их, но очевидно и то, что она их не ограничивала, а регламентировала. Конечно, можно пытаться утверждать, что ограничивала такие права статья 12 Конвенции, из которой вытекало, что договор купли-продажи, его изменение или прекращение соглашением сторон либо

оферта, акцепт или любое иное выражение намерения должны совершаться не в любой форме, а только в письменной, если хотя бы одна из сторон имеет свое коммерческое предприятие в Российской Федерации (коль скоро СССР при присоединении к Конвенции сделал соответствующее заявление) и в которой говорилось, что *“Стороны не могут отступить от настоящей статьи или изменять ее действие”*. Разумеется, в ответ на это можно указать, что данная статья никаким ограничением не являлась, учитывая то, что действующим в России регулированием уже давно предписывается простая письменная форма внешнеэкономической сделки под страхом ее недействительности. В свою очередь, в качестве контраргумента на это можно выставить то соображение, что значение имеет сам факт ограничения прав, а не факт их ограничения в большем объеме по сравнению с национальным законодательством. Подобный спор действительно можно было бы вести очень долго. Но даже если согласиться с тем, что Конвенция ввела какие-либо ограничения прав граждан или юридических лиц (хотя представляется, что это не так), то данное обстоятельство не будет иметь никакого значения. И дело здесь в двух уже упоминавшихся моментах: в институте отсутствия у любого нормативного акта по общему правилу обратной силы, и особом статусе таких правовых актов, как международные договоры.

Благодаря первому необходимо утверждать, что приведенное выше положение части 2 статьи 35 *“Декларации прав и свобод человека и гражданина”* стало действующим только после момента вступления его в силу и не должно применяться по отношению к тем нормативным актам, которые обрели силу до такого момента²⁹ (хотя каков он на самом деле – в действительности не принципиально: существенно только то, что он имел место после того, как публикация Конвенция уже состоялась). В самом деле, коль скоро Конвенция была опубликована и в соответствии с действовавшим в тот период законодательством (включая требования Заключения Комитета конституционного надзора СССР № 12 (2-12) от 29 ноября 1990 г. и *“Декларации прав и свобод человека”* от 5 сентября 1991 г.) появилась возможность ее применения, почему такая возможность должна прекратиться в условиях, когда новое требование обязательного официального опубликования обратной силы не имело, и ничто в нормативном регулировании не говорило о том, что нормативные акты, ранее могущие применяться в полной мере, перестают быть применимыми, или что они должны быть еще раз опубликованы официально? Другое дело, если бы Конвенция не была опубликована в обычном порядке к моменту появления требования обязательного официального опубликования нормативных актов, или если бы *“Декларация прав и свобод человека и гражданина”* вступила в силу ранее 1 сентября 1991 г.: тогда в свете последней могли бы, по меньшей мере, появиться сомнения в возможности применения Конвенции.

В самом деле, будь иначе, разве появилось бы в Заключении Комитета конституционного надзора СССР № 12 (2-12) от 29 ноября 1990 г. *“О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан”* следующее положение: *“На основании статьи 22 Закона СССР “О конституционном надзоре в СССР” ранее принятые, но не опубликованные нормативные акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, подлежат опубликованию соответствующими государственными органами в трехмесячный срок со дня принятия настоящего Заключения. Акты, которые не будут опубликованы, по истечении этого срока утрачивают силу”*? Очевидно, что в его отсутствие все те нормативные акты, которые ранее не были опубликованы, продолжали бы быть применимыми, и данное Заключение, в том числе его вывод о том, что *“Опубликование законов и других нормативных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, то есть доведение их тем или*

иным способом до всеобщего сведения, является обязательным условием применения этих актов” имели бы значение только на будущее.

Сказанное тем более является бесспорным в силу второго из отмечавшихся выше моментов: особого статуса таких нормативных правовых актов, как международные договоры. В самом деле, отбрасывая все сказанное выше, еще можно допустить, что ранее применимые, но не опубликованные официально внутринациональные нормативные акты утрачивают свое свойство применимости с момента появления положения об обязательном официальном опубликовании таких актов. Но как можно утверждать, что такой обладающий особой правовой природой нормативный акт, как международный договор, вступивший в силу для СССР и России, и при этом получивший возможность быть применимым в силу своего опубликования (пусть и неофициального), вдруг утрачивает свое свойство применимости только потому, что в российском праве появляется положение о необходимости официального опубликования нормативных актов, причем в условиях, когда нигде не упоминается о придании такому положению обратной силы, и когда нигде не говорится о том, что ранее применимые акты подлежат повторной публикации, причем уже официальной? Очевидно, что именно особая правовая природа международных договоров как нормативных актов *sui generis*, обуславливаемая принципом международного права *Pacta sunt servanda*, принципиально не позволяет соглашаться с такими утверждениями.

Для обоснования продолжения применимости Конвенции в России, несмотря на положение части 2 статьи 35 “Декларации прав и свобод человека и гражданина”, можно было бы привлечь соображения, основывающиеся на соотношении права Союза ССР с правом РСФСР и приоритете первого с точки зрения СССР, продолжавшего существовать до конца 1991 г., однако они представляются излишне сложными и не являются необходимыми.

Наконец, имеется еще один нюанс, который следует подчеркнуть отдельно. Речь идет об Указе Президента России от 11 января 1993 г. № 11 “О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации”³⁰, пункт 1 которого предусматривает: “1. Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры (кроме договоров межведомственного характера) подлежат официальному опубликованию в ежемесячном “Бюллетене международных договоров” издательства “Юридическая литература” Администрации Президента Российской Федерации, а в необходимых случаях также в газете “Российские вести”.

Упомянутый порядок распространяется на международные договоры Российской Федерации, которые заключены или присоединение к которым осуществлено начиная с 1 января 1992 г.

Международные договоры Российской Федерации могут доводиться до всеобщего сведения иными средствами массовой информации и издательствами”.

Очевидно, что части 1 и 2 данного пункта на Конвенцию не распространяются. Однако это совсем нельзя утверждать в отношении части 3 данного пункта.

Таким образом, сделанный выше вывод о том, что отсутствие официальной публикации Конвенции воспрепятствовать ее применению в России с точки зрения действовавшего на тот момент законодательства никоим образом не должно было и не могло, звучит еще более убедительно, принимая во внимание то, что упомянутый Указ Президента России от 11 января 1993 г. № 11 ввел необходимость официальной публикации только тех международных договоров Российской Федерации, которые были заключены или присоединение к которым было осуществлено начиная с 1 января 1992 г., одновременно с этим предусмотрев, что международные договоры Российской Федерации “могут доводиться до всеобщего сведения иными средствами массовой информации и издательствами”. Очевидно, что данную

норму, руководствуясь принципами *Pacta sunt servanda* и *Favor pacti*, следует толковать расширительно: не только как предусматривающую возможность доведения международных договоров до всеобщего сведения в неофициальном порядке одновременно с официальным, но и как имеющую в виду любую неофициальную публикацию тех международных договоров, которые приобрели силу для Российской Федерации до 1 января 1992 г., причем именно для того, чтобы закрепить ранее приобретенное ими свойство быть применимыми, одновременно исключая возможность их неприменения на том основании, что их официальная публикация отсутствует. Жаль только, что Указ Президента России от 11 января 1993 г. № 11 не сказал об этом прямо.

Соответственно, учитывая, что с 1 сентября 1991 г. Конвенция не только вступила в силу для СССР, но и могла применяться на его территории согласно действующему в тот период законодательству в силу только своего опубликования, пусть и неофициального, следует признать, что такое ее свойство применимости продолжало существовать вплоть до 25 декабря 1993 г., причем и после того, как Постановлением Верховного Совета РСФСР 22 ноября 1991 г. была принята “Декларация прав и свобод человека и гражданина”, и после того, как 30 ноября 1992 г. Конституционным Судом России было принято Постановление “По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 года № 79 “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 года № 90 “Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 года № 169 “О деятельности КПСС и КП РСФСР”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР”, упомянувшие о необходимости официального опубликования нормативных актов (не говоря уже о том, что применимость к Конвенции этих двух актов, по меньшей мере, очень спорна). Иными словами, отсутствие официальной публикации Конвенции воспрепятствовать ее применению в России в период между 1 сентября 1991 г. и 25 декабря 1993 г. никоим образом не должно было и не могло.

Повторим еще раз, что сомнения в сказанном могли бы появиться, если бы только Конвенция не была опубликована в неофициальном порядке к моменту обретения силы “Декларацией прав и свобод человека и гражданина” (то есть к 4 января 1992 г.) или если бы “Декларация прав и свобод человека и гражданина” вступила в силу до 1 сентября 1991 г. Учитывая, что в период между 1 сентября 1991 г. и 4 января 1992 г. единственная масштабная публикация Конвенции была осуществлена при помощи уже упоминавшейся брошюры М.Г. Розенберга “Заключение договора международной купли-продажи товаров”, следует признать, что именно благодаря последней с юридической точки зрения была обеспечена абсолютно несомненная возможность применения Конвенции в России и в 1992 г., и в 1993 г. и в начале 1994 г. (до момента официального ее опубликования)³¹. Не будь такой брошюры и усилий М.Г. Розенберга, в свете “Декларации прав и свобод человека и гражданина” у кого-либо могли бы, по меньшей мере, появиться сомнения в возможности применения Конвенции в России до 1 февраля 1994 г. Сказанное демонстрирует, каким образом вовремя проявленная частная инициатива способна повлиять на решение задач государственного масштаба, особенно когда государству до последних дела нет.

Итак, мы рассмотрели вопрос о возможности применения Конвенции в период с 1 сентября 1991 г. по 25 декабря 1993 г. При этом полученные выводы позволяют утверждать, что последующий период с 25 декабря 1993 г. по 1 февраля 1994 г. в данном плане ничем не должен отличаться от предшествующего. В самом деле, пункт 3 статьи 15 Конституции России (“Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения”)

никоим образом не мог повлечь невозможность применения Конвенции в России, хотя используемое в нем понятие “*нормативный правовой акт*” и распространяется на Конвенцию. И дело здесь опять-таки в двух уже упоминавшихся моментах: институте отсутствия у любого нормативного акта (в том числе Конституции) по общему правилу обратной силы и особом статусе таких правовых актов, как международные договоры. Нет особой нужды повторять то, что уже было изложено выше. Укажем лишь еще раз на то, что невозможно утверждать, что такой обладающий особой правовой природой нормативный акт, как международный договор, вступивший в силу для СССР и России и при этом получивший возможность быть применимым в силу своего опубликования (пусть и неофициального), вдруг утратил свое свойство применимости только потому, что в российском праве появилось положение (пусть и конституционное) о необходимости официального опубликования нормативных актов, причем в условиях, когда ни Конституция России, ни другие федеральные законы не предусмотрели придание такому положению обратной силы, равно как и когда нигде не говорилось о том, что ранее применимые акты подлежат повторной публикации, причем уже официальной.

Итак, Конвенция даже в отсутствие ее официального опубликования могла полноценно применяться в СССР и России именно с 1 сентября 1991 г. и вплоть до 1 февраля 1994 г. (когда она была официально опубликована).

Возможно, что кто-то с таким взглядом и не согласится, полагая, что с юридико-технической точки зрения есть основания утверждать, что с 25 декабря 1993 г. (или даже с еще более ранней даты) и вплоть до момента официального опубликования Конвенции последняя в Российской Федерации не должна была применяться. Учитывая неоспоримость положений Конституции России, данные основания обретают еще большую весомость. С такой точки зрения любые ссылки на Указ Президента России от 11 января 1993 г. № 11 “О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации” могут рассматриваться как неубедительные: хотя в части 3 пункта 1 этого Указа действительно употребляются слова “*всеобщего сведения*” подобно тому, как это имеет место в норме пункта 3 статьи 15 Конституции России, однако в нем отсутствует слово “*официально*”. Соответственно, кто-то может утверждать, что формально часть 3 пункта 1 упомянутого Указа Президента России с 25 декабря 1993 г. стала противоречить норме пункта 3 статьи 15 Конституции России, и с этого момента применяться должна была только последняя.

Однако ввиду всего вышесказанного согласиться с такой позицией нельзя. Но, в то же время, очевидно, что возможность ее появления вызвана существующей в российском праве неопределенностью в отношении применимости в России международных договоров, в частности, вступивших в силу еще для СССР, но официально неопубликованных или же опубликованных после 25 декабря 1993 г.

Тем не менее, для дальнейшего опровержения подобной позиции можно указать еще и на то, что Высший Арбитражный Суд России ее отверг, и предложил всегда прибегать к части 3 пункта 1 Указа Президента России от 11 января 1993 г. № 11 “О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации”, то есть для установления возможности применения международного договора предложил абстрагироваться от факта именно официального его опубликования. Так, в пунктах 1 и 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда России от 11 июня 1999 г. № 8 “О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса”³² говорится: “1. *Имея в виду положение части 3 статьи 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о том, что “если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации, то применяются правила*

международного договора”, арбитражные суды при разрешении споров должны учитывать следующее.

Арбитражный суд применяет вступившие в силу и должным образом доведенные до всеобщего сведения международные договоры Российской Федерации - международно-правовые соглашения, заключенные Российской Федерацией с иностранным (и) государством (ами) либо с международной организацией в письменной форме независимо от того, содержатся такие соглашения в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от их конкретного наименования. ...

Международный договор Российской Федерации доводится до всеобщего сведения путем опубликования.

2. Судам следует учитывать, что вступившие в Российской Федерации в силу договоры (кроме договоров межведомственного характера) подлежат опубликованию в “Собрании законодательства Российской Федерации”, “Бюллетене международных договоров”, “Российской газете”, газете “Российские вести”. Международные договоры Российской Федерации, заключенные министерствами и ведомствами, публикуются в официальных изданиях этих органов. Международные договоры СССР, обязательные для Российской Федерации в силу правопреемства, опубликованы в Сборниках международных договоров СССР.

Международные договоры государств-участников Содружества Независимых Государств могут доводиться до всеобщего сведения в информационном вестнике Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ “Содружество”.

Международные договоры Российской Федерации могут доводиться до всеобщего сведения иными средствами массовой информации и издательствами (Указ Президента Российской Федерации “О порядке опубликования международных договоров РФ”, № 11 от 11.01.93)” (выделение мое. – М.А.).

Несомненно, что данная позиция Пленума Высшего Арбитражного Суда России обладает ценностью и подтверждает точку зрения автора настоящей статьи.

Вместе с тем с ней можно не соглашаться и указывать на то, что Пленум, по меньшей мере, дал несколько вольное толкование действующего законодательства и не учел норму пункта 3 статьи 15 Конституции России, которая должна действовать непосредственно.

И действительно, нельзя не признать справедливость такого указания: Пленум Высшего Арбитражного Суда России проявил, по меньшей мере, неточность в отношении проблемы зависимости применения в Российской Федерации международного договора от его официального опубликования. Было бы гораздо полнее и точнее, если бы Пленум указал, например, на то, что:

а) международный договор, вступивший в силу для России после 25 декабря 1993 г. и до 17 июля 1995 г. (даты вступления в силу Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”), подлежит применению в России непосредственно лишь после его официального опубликования, однако только если он затрагивает права, свободы и обязанности человека и гражданина (в силу пункта 3 статьи 15 Конституции России). В том случае, если такие права, свободы и обязанности он не затрагивает, он подлежит применению в России и в отсутствие его официального опубликования;

б) любой международный договор, вступивший в силу для России после 17 июля 1995 г. (даты вступления в силу Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”), действует в России непосредственно только после его официального опубликования (в силу пункта 3 статьи 5 указанного Федерального закона);

в) международный договор, вступивший в силу для России между 4 января 1992 г. и 25 декабря 1993 г., действует в России только после его официального

опубликования, при условии, что он предусматривает наказание граждан или ограничение их прав (в силу части 2 статьи 35 “Декларации прав и свобод человека и гражданина” (утвержденной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г.). В том случае, если такое наказание или ограничение прав он не предусматривает, он подлежит применению в России и в отсутствие его официального опубликования;

г) международный договор, вступивший в силу для России до 4 января 1992 г. (а для СССР до 26 декабря 1991 г., то есть до момента прекращения его существования), действует в России и в отсутствие его официального опубликования при условии, что он был опубликован, иными словами, был доведен тем или иным способом до всеобщего сведения (не обязательно в официальной форме), однако только если он касается прав, свобод и обязанностей граждан (в силу Заключения Комитета конституционного надзора СССР № 12 (2-12) от 29 ноября 1990 г. “О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан”). В том случае, если таких прав, свобод и обязанностей он не касается, он подлежит применению в России и в отсутствие его опубликования;

г) все вышесказанное верно только в том случае, если соответствующий международный договор не требовал или не требует для придания силы его положениям принятия соответственно внутреннего советского или российского нормативного акта.

Все эти выводы, как было показано выше, вытекают из положений советского и российского законодательства, действовавшего в соответствующие периоды времени.

Однако вместо этого по какой-то причине Пленум Высшего Арбитражного Суда России предпочел прибегнуть к иному, более упрощенному подходу. Безусловно, он указал на то, что “*Международные договоры СССР, обязательные для Российской Федерации в силу правопреимства, опубликованы в Сборниках международных договоров СССР*”. Учитывая, что не все такие сборники, как уже отмечалось, имеют статус официальных изданий, такое указание можно расценить как косвенное признание того, что международный договор, вступивший в силу для отечественного права до 25 декабря 1993 г. (или, в крайнем случае, до 4 января 1992 г. - момента обретения силы “Декларацией прав и свобод человека и гражданина”, утвержденной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г.), действует в Российской Федерации и в отсутствие его официальной публикации при условии, что он был опубликован, то есть был доведен тем или иным способом до всеобщего сведения (не обязательно в официальной форме). Однако более предпочтительным было бы не подобное косвенное, а прямое указание, не говоря уже и о том, что следовало бы упомянуть о том, что международные договоры СССР публиковались в неофициальном порядке не только в упомянутых сборниках. Не отметив это, Пленум Высшего Арбитражного Суда России дал основания полагать, что такие иные публикации не должны приниматься во внимание, хотя это совсем не так.

Кроме того, следует указать и на то, что если в части 2 пункта 1 упомянутого Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда России от 11 июня 1999 г. № 8 в отношении слов “*доведенные до всеобщего сведения*” используется формулировка “*должным образом*”, что может пониматься как указание на необходимость официального характера публикации международного договора, то затем в части 3 пункта 1 и в части 3 пункта 2 слова “*должным образом*” исчезают, и сначала говорится просто о доведении международного договора до всеобщего сведения путем опубликования, а затем указывается на то, что такое доведение может осуществляться иными средствами массовой информации и издательствами.

Любопытно и то, что Пленум Высшего Арбитражного Суда России ограничился просто упоминанием об опубликовании, не указав на то, в каких масштабах оно должно иметь место, и не прибегнув к критерию разумности этих масштабов. В этой связи можно провести параллели между данным Постановлением № 8 и Заключением Комитета конституционного надзора СССР № 12 (2-12) от 29 ноября 1990 г. “О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан”. Соответственно, хотя ни в Заключении Комитета конституционного надзора СССР, ни в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда России от 11 июня 1999 г. № 8 не приводятся формальные критерии того, что следует считать надлежащим доведением нормативного акта (в том числе и международного договора) тем или иным способом до всеобщего сведения, это вовсе не означает возможность отсутствия таких критериев: слова “до всеобщего сведения” указывают, что какой-то минимум количества публикуемых или иным образом распространяемых экземпляров должен быть и определять его следует, исходя из критериев разумности.

Далее, вызывает некоторые сомнения и ссылка в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда России от 11 июня 1999 г. № 8 на информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ “Содружество”. По меньшей мере, в правиле 28 “Публикация документов” Правил процедуры Совета глав государств и Совета глав правительств Содружества Независимых Государств (утвержденных решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств в Москве 17 мая 1996 г.³³) ничего не говорится об официальном опубликовании: “*Полные тексты документов, принятых Советом глав государств и Советом глав правительств, открытых для печати, публикуются в Информационном вестнике Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ “Содружество”, который направляется государствам и в уставные органы*”. В других российских международных договорах или внутренних нормативных актах автору настоящей статьи также не удалось найти ничего, что указывало бы на наличие у этого вестника официального статуса или же на придание официальности опубликованным в нем текстам международных документов. Зато в российских внутренних нормативных актах говорится о других, внутренних российских изданиях, публикация в которых является официальной. Учитывая все это, а также то, что международные договоры “*могут отменять или устанавливать любую правовую норму, за исключением конституционной*”³⁴, можно считать, что публикация международных договоров государств - участников Содружества Независимых Государств в информационном вестнике Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ “Содружество” не будет являться официальной по смыслу части 3 статьи 15 Конституции России (с учетом всего сказанного выше в отношении возможности применения в России международных договоров в зависимости от их содержания, момента вступления в силу и опубликования в обычном или официальном порядке). Соответственно, многие из таких договоров СНГ действовать в Российской Федерации непосредственно не должны.

Впрочем, Верховный Суд России в своем решении от 15 июля 1998 г.³⁵ решил иначе (никак, правда, свою позицию не обосновав): “*Сиротенко обратился в Верховный Суд РФ с жалобой о признании недействительными... Указания ГТК России от 30 декабря 1996 г. № 01-14/1465 “Об определении происхождения товаров из государств - участников СНГ”*”.

При этом он ссылаясь на то, что... Согласно п.1 Указания ГТК России от 30 декабря 1996 г. для определения происхождения товаров из государств - участников СНГ следует применять Правила определения страны происхождения товаров, утвержденные решением Совета глав Правительств государств - участников Содружества Независимых Государств 24 сентября 1993 г. (с учетом новой

редакции п.9 Правил, утвержденной 18 октября 1996 г.). По мнению Сиротенко, Государственный таможенный комитет Российской Федерации не вправе указывать о необходимости применения упомянутых Правил, поскольку текст п.9 Правил в новой редакции не опубликован официально на территории Российской Федерации, а опубликован только на территории иностранного государства - в г. Минске Республики Беларусь в информационном вестнике № 4 (24) "Содружество" Совета глав государств и Совета глав правительств государств - участников Содружества Независимых Государств, который не является официальным источником опубликования нормативных актов Российской Федерации. ...

Требование же Сиротенко о признании недействительным Указания Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 30 декабря 1996 г. № 01-14/1465 "Об определении происхождения товаров из государств - участников СНГ" не подлежит удовлетворению, поскольку названное Указание не противоречит требованиям действующего законодательства и не нарушает прав и свобод заявителя.

Указание Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 30 декабря 1996 г. № 01-14/1465 зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 14 мая 1997 г. № 1303, было опубликовано в порядке, предусмотренном Указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763". Является очевидным, что Верховный Суд России либо не понял довода истца, либо не захотел или не сумел опровергнуть его.

К сожалению, точно такой же подход при разрешении спора по поводу Указания Государственного таможенного комитета России от 30 декабря 1996 г. № 01-14/1465 использовали Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области и Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа³⁶.

Ввиду всего этого можно утверждать, что судебная практика в России, признавая допустимость применения официально не опубликованных международных договоров, вступивших в силу для России после 17 июля 1995 г. (даты обретения силы Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации"), предпочла путь, отличный от того, который используется во многих развитых государствах.

Все вышесказанное дает основания, с точки зрения формального соблюдения законности, ставить под сомнение строгость позиции Пленума Высшего Арбитражного Суда России, выраженной в пунктах 1 и 2 его Постановления от 11 июня 1999 г. № 8 "О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса".

В то же время является очевидным, что такой подход Пленума Высшего Арбитражного Суда России на сегодняшний день является практически ориентированным паллиативом, призванным сгладить весьма неудовлетворительную ситуацию в сфере официального опубликования международных договоров Российской Федерации, а именно предложить судам упрощенный подход к применению международных договоров вместо необходимости учитывать сложное и запутанное нормативное регулирование, а также по возможности предотвратить в нежелательных случаях ситуации с отказом арбитражных судов применять международные договоры в случае отсутствия их официального опубликования в России, даже когда необходимость такого отказа неизбежно вытекает из действующего законодательства. Вполне понятно, что строгое соблюдение судами требований нормативного регулирования в условиях, когда вопросы опубликования международных договоров пользуются со стороны исполнительной власти недостаточным вниманием, может привести к крайне нежелательным ситуациям. Например, Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии

об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и прирост стоимости имущества (Москва, 15 февраля 1994 г.) вступила в силу 18 апреля 1997 г. Между тем, официально она была опубликована только 5 июля 1999 г.³⁷. Еще более впечатляет пример с Договором между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал (Вашингтон, 17 июня 1992 г.). Хотя он вступил в силу 16 декабря 1993 г. (т.е. до обретения силы Конституцией России), его положения стали применимыми с 1 февраля 1994 г. Официально же опубликован он был только 19 апреля 1999 г.³⁸ (исходя из публикации в “Собрании законодательства Российской Федерации”).

При всем при этом тексты указанных двух международных договоров неоднократно публиковались в неофициальном порядке. Очевидно, что в такой ситуации применение последних в России до момента их официального опубликования может быть оправдано только фактом их доведения до всеобщего сведения не в официальном, а в неофициальном порядке, то есть при помощи каких-либо средств массовой информации и издательств.

Весьма печально то, что судам приходится выходить из положения, создаваемого бездейтельностью исполнительной власти, путем несоблюдения прямых указаний закона, но таковы реалии современного российского права. В целом же, взвешивая все обстоятельства, представляется, что из двух зол подход, избранный Пленумом Высшего Арбитражного Суда России, является меньшим: уж лучше пусть государственные суды в нарушение закона как можно чаще применяют вступившие для России в силу международные договоры, пусть и неофициально опубликованные в России, чем, используя ссылки на отсутствие официальной публикации, отказывают в их применении, соблюдая закон. Это как раз тот случай, когда несоблюдение закона является более справедливым, чем его соблюдение.

Итак, теперь можно окончательно сформулировать ответы на поставленные выше вопросы. Могла ли Конвенция применяться в отечественном праве с 1 сентября 1991 г.? Ответ на этот вопрос теперь ясен: да, могла и должна была, причем только в силу того, что она вступила в силу до 25 декабря 1993 г., и только потому, что до этого момента действовавшее законодательство (абстрагируясь от “Декларации прав и свобод человека и гражданина” и Постановления Конституционного суда России “По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 года № 79 “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 года № 90 “Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 года № 169 “О деятельности КПСС и КП РСФСР”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР”, применимость положений которых к Конвенции весьма сомнительна) не связывало возможность применения международных договоров с обязательным их официальным опубликованием, признавая для такого применения достаточным доведение их содержания тем или иным образом до всеобщего сведения, в том числе путем неофициального их опубликования.

Сказанное позволяет нам ответить и на второй вопрос, сформулированный в начале настоящей статьи: имела ли вообще какое-либо юридическое значение официальная публикация Конвенции или же она не была необходима? Ответ может быть только одним: официальная публикация Конвенции имела только то значение, что устранила любые сомнения в возможности применения Конвенции в Российской Федерации. Вместе с тем такая официальная публикация для обеспечения применимости Конвенции в России не являлась необходимой, но опять-таки только по причинам, выше уже указывавшимся.

Но почему же Конвенция не была опубликована в официальных изданиях СССР, а затем не была опубликована в официальных изданиях Российской Федерации ранее 1 февраля 1994 г. (условного момента ее официального опубликования), хотя она вступила в силу для СССР еще 1 сентября 1991 г.? Ответ на этот вопрос имеет два аспекта: фактический и юридический.

Что касается первого, то он достаточно прост: дело в том, что принятие Верховным Советом СССР Постановления № 1511-I “О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров” по ряду причин было инициировано Министерством внешних экономических связей СССР. Конечно же, принятие данного Постановления происходило с ведома и согласия МИД СССР, но роль последнего в данном процессе не была решающей. Между тем, статья 5 Закона СССР “О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами” от 31 июля 1989 г. № 307-I предусматривала: “В “Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР” **по представлению Министерства иностранных дел СССР публикуются вступившие в силу для СССР международные договоры, заключенные от имени Союза ССР и ратифицированные Верховным Советом СССР**” (выделение мое. – М.А.). Очевидно, что опубликование Конвенции не было осуществлено в “Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР” или в “Ведомостях Верховного Совета СССР” по технической причине, а именно ввиду неспешной работы советского бюрократического механизма и отсутствия быстрого взаимодействия между МВЭС и МИД СССР: срок продолжительностью около полутора лет оказался для них недостаточным для того, чтобы подготовить официальную публикацию Конвенции, тем более что никто не ожидал прекращения существования СССР. Представляется, что будь принятие Постановления Верховного Совета СССР инициировано Министерством иностранных дел СССР, Конвенция, возможно, и была бы опубликована в “Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР” или в “Ведомостях Верховного Совета СССР”.

С точки же зрения юридической, после того как была утрачена возможность публикации Конвенции в официальном издании Верховного Совета СССР (ввиду прекращения его выпуска), она в принципе не могла быть опубликована в официальных изданиях Российской Федерации.

Так, она не могла быть опубликована в “Ведомостях Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР” или в “Ведомостях Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации”, поскольку статья 5 Закона РСФСР от 13 июля 1990 г. “О порядке опубликования и вступления в силу законов РСФСР и других актов, принятых Съездом народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и их органами”³⁹ предусматривала: “В “Ведомостях Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР” **по представлению Министерства иностранных дел РСФСР публикуются международные договоры, заключенные от имени РСФСР и ратифицированные Верховным Советом РСФСР**”. Как видно, Конвенция под эту статью не подпадала.

Тем более Конвенция не могла быть опубликована в “Собрании актов Президента и Правительства Российской Федерации”. Когда же начался выпуск такого официального издания, как “Бюллетень международных договоров”, то Конвенция не могла быть опубликована и в нем, так как уже упоминавшийся Указ Президента России от 11 января 1993 г. № 11 “О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации”⁴⁰ предусматривал: “1. *Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры (кроме*

договоров межведомственного характера) подлежат официальному опубликованию в ежемесячном “Бюллетене международных договоров” издательства “Юридическая литература” Администрации Президента Российской Федерации, а в необходимых случаях также в газете “Российские вести”.

Упомянутый порядок распространяется на международные договоры Российской Федерации, которые заключены или присоединение к которым осуществлено начиная с 1 января 1992 г.”. Очевидно, что требованию части 2 пункта 1 данного Указа Конвенция не удовлетворяла.

Наконец, Конвенция не могла быть опубликована и в “Собрании законодательства Российской Федерации”, поскольку Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”, который ввел публикацию международных договоров в таком “Собрании”, применению к Конвенции не подлежал: и потому, что он распространялся на отношения, возникшие после 17 июля 1995 г., и потому, что его статья 30 “Официальное опубликование международных договоров Российской Федерации” была неприменима к Конвенции ввиду своего иного объема, что легко заметить из ее текста: *“1. Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, решения о согласии на обязательность которых для Российской Федерации приняты в форме федерального закона, подлежат официальному опубликованию по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации в Собрании законодательства Российской Федерации”.*

Можно утверждать, что Конвенция попала в своего рода правовой вакуум: СССР, от имени которого было осуществлено присоединение к ней, исчез, а для Российской Федерации Конвенция оказалась явлением если и не необходимым, то на первых порах, не совсем, по меньшей мере, нужным и понятным.

В связи со всем сказанным любопытно сравнить историю опубликования Конвенции с историей публикации в России другого международного договора, а именно Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 г.⁴¹. Как известно, присоединение к последней было осуществлено Постановлением Верховного Совета СССР от 17 апреля 1991 г. № 2119-1⁴². При этом данная Конвенция вступила в силу 31 мая 1992 г., причем уже не для СССР, а для Российской Федерации. Формально она также не подпадала под пункт 1 Указа Президента России от 11 января 1993 г. № 11 “О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации”: она была заключена, равно как и присоединение к ней произошло, до 1 января 1992 г. Тем не менее, данный пункт Указа был, вероятно, истолкован расширительно, то есть как распространяющийся и на те международные договоры, которые вступили в силу для России начиная с 1 января 1992 г. Соответственно, Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, была официально опубликована в 1993 г. в третьем номере “Бюллетеня международных договоров”.

На основании сказанного можно утверждать, что, вступив Конвенция в силу не 1 сентября 1991 г., а спустя всего лишь четыре месяца, она могла бы быть официально опубликована в “Бюллетене международных договоров”.

Но коль этого не случилось, и ввиду того, что Конвенция попала в своего рода правовой вакуум (причем не только она одна), то является очевидным, что в 1993 г. в Министерстве иностранных дел России возникло понимание того, что единственным выходом из создавшегося положения являлся бы выпуск официального специального издания, в котором содержались бы все те международные договоры, которые вступили в силу еще для СССР в 1991 г. и которые оставались не опубликованными официально. И вот в 1994 г. в Москве в издательстве “Международные отношения” и была выпущена уже упоминавшаяся книга “Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. Международные договоры,

заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года, которые в настоящее время являются договорами Российской Федерации как государства – продолжателя Союза ССР”, которой было завершено издание начатой еще в 20-х годах специальной серии сборников международных договоров СССР.

И, наконец, последний вопрос: может ли быть Конвенция опубликована в российских официальных изданиях, выходящих настоящее время? Очевидно, что ее публикация в “Собрании законодательства Российской Федерации” невозможна в силу пункта 1 статьи 30 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”. Вместе с тем, пункт 2 этой же статьи предусматривает: *“Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры (за исключением договоров межведомственного характера) официально опубликовываются по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации также в Бюллетене международных договоров”*. Следовательно, несмотря на то, что данный Федеральный закон распространяется на отношения, возникшие после 17 июля 1995 г., в принципе можно допустить, что Конвенция в “Бюллетене международных договоров” может быть опубликована. Но имеет ли сейчас это смысл, тем более после того как официальная ее публикация уже состоялась, пусть и очень небольшим тиражом? Очевидно, что нет.

В целом же можно утверждать, что Конвенции повезло больше других международных договоров СССР, вступивших в силу в 1991 г. (всего их, если судить по книге “Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года, которые в настоящее время являются договорами Российской Федерации как государства – продолжателя Союза ССР”, было более ста). Отсутствие официального опубликования Конвенции вплоть до начала 1994 г. было компенсировано многочисленными ее неофициальными публикациями, ведь в разработке, принятии и популяризации этого уникального документа принимали участие известные отечественные правоведы. Если бы не это обстоятельство и сама важность предмета регулирования Конвенции, вряд ли бы последняя публиковалась в неофициальном порядке, и вряд ли бы была широко доступной информация о ней, что, в свою очередь, привело бы к постановке вопроса о невозможности ее применения с 1 сентября 1991 г. Нет никаких сомнений в том, что в данном плане другим международным соглашениям СССР повезло меньше, чем Конвенции.

Итак, после того как мы рассмотрели вопросы, связанные с официальным опубликованием Конвенции в России, можно в заключение указать на некоторые весьма серьезные проблемы, относящиеся к применению в России ее международных договоров, которые были обозначены в ходе осуществленного выше анализа.

Во-первых, сказанное демонстрирует, что до сих пор в российском праве нет четкого и однозначного нормативного регулирования вопроса о зависимости применения тех или иных видов международных договоров Российской Федерации от их официального опубликования. По меньшей мере, в пункте 3 статьи 15 Конституции России говорится об обязательном официальном опубликовании нормативных правовых актов (под которыми надлежит понимать и международные договоры), затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, а из пункта 3 статьи 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”⁴³ косвенно вытекает необходимость официального опубликования всех международных договоров для того, чтобы в России они имели непосредственное действие. Еще больше все запутывают пункты 1 и 2 статьи 7 Гражданского кодекса РФ: *“1. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской*

Федерации являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации.

2. *Международные договоры Российской Федерации применяются к отношениям, указанным в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса, непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта*". Как видно, пункт 2 данной статьи вполне можно понимать как предписывающий применение любого международного договора, регулирующего гражданско-правовые отношения, пусть даже и не опубликованного официально. Очевидно, что при желании в российском праве можно было бы найти еще большее количество подобных разночтений.

Во-вторых, запутанным является вопрос о зависимости применения в Российской Федерации тех или иных видов международных договоров СССР от их официального опубликования либо опубликования в неофициальном порядке.

В-третьих, история с официальным опубликованием Конвенции в отечественном праве является наглядным примером того, насколько небрежно и непродуманно в России в начале 90-х годов государством в правовой сфере осуществлялось то, что именовалось и именуется "*реформами*".

В-четвертых, вызывает опасения качество официальных публикаций международных договоров. Уж если то, на что было указано выше, случилось с Конвенцией, тогда что же можно предположить в отношении менее значимых или менее известных международных договоров?

В-пятых, достаточно удивительно то, что многие международные договоры публикуются спустя очень значительное время после их вступления для России в силу. Примеры тому уже приводились выше. Все это не может не вызывать существенных сложностей для участников правового оборота.

В-шестых, еще более удивительно то, что многие вступившие в силу международные договоры Российской Федерации, ратифицированные ею, до сих пор официально не опубликованы. В частности, речь идет о Сеульской конвенции от 11 октября 1985 г. об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций, вступившей в силу еще в 1988 г. Она была ратифицирована Постановлением Верховного Совета Российской Федерации № 4186-1 еще 22 декабря 1992 г.⁴⁴, но до сих пор официально не опубликована. Причиной может быть только одно – либо до сих пор Россией не сдан на хранение документ о ее ратификации, либо о ней забыли. И то и другое удручает в одинаковой степени.

В-седьмых, правоприменительные органы Российской Федерации находятся в сложном положении ввиду вышеописанного отношения исполнительной власти к вопросам, связанным с опубликованием международных договоров в России и иногда вынуждены в целях защиты интересов участников правового оборота допускать прямые нарушения закона. Кроме того, из-за отсутствия ясного и простого регулирования данных вопросов они либо идут на использование упрощенных подходов (как показывает содержание пунктов 1 и 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда России от 11 июня 1999 г. № 8 "О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса"), либо вообще игнорируют реально существующие проблемы (как поступил Верховный Суд России в своем уже упоминавшемся выше решении от 15 июля 1998 г.).

Все это не может не иметь негативных последствий для российского права в целом.

Конечно же, указанными моментами проблема применения международных договоров в отечественном праве далеко не исчерпывается. Однако описание других

подобных моментов выходило бы за рамки настоящей статьи и могло бы составить тему для отдельной работы.

Рассмотренная история применительно к Конвенции указывает не только на пренебрежительное отношение российского государства к официальному опубликованию международных договоров (важность которого даже не стоит объяснять) и не только на недостаточное его внимание к проблеме действия и применения последних в российском праве. Она также помогает понять, насколько тщательным и выверенным должен быть подход и законодателя, и правоприменителей, и любого юриста к каждому правоотношению, так или иначе связанному с международным оборотом или содержащему в себе иностранный элемент.

А.И. Муранов,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
международного частного и гражданского права
МГИМО (Университета) МИД России,
партнер международной юридической фирмы “ММЦП и К⁰⁰”.

¹ Условное обозначение данного издания как документа ООН: A/CONF.97/19. В продаже оно имело номер R.81.IV.3.

² *Сборник* международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 года, которые в настоящее время являются договорами Российской Федерации как государства – продолжателя Союза ССР. – М., 1994, с. 357.

³ *Ведомости* Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1989, № 9, ст. 205.

⁴ *Ведомости* Верховного Совета СССР, 1978, № 28, ст. 439.

⁵ *Нота* МИД Российской Федерации главам дипломатических представительств от 13 января 1992 года. - Дипломатический вестник, 1992, № 2-3, с. 34.

⁶ *Российская газета*, 1995 г., 29 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 1, ст. 1.

⁷ *Российская газета*, 1998, 6 августа; Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 31, ст. 3824. Количество ошибок в кодексе было столь велико, что пришлось принимать отдельный Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 154-ФЗ “О внесении изменений и дополнений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации”, которым было предписано осуществить публикацию текста кодекса еще раз в учетом внесенных изменений. - Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 28, ст. 3487.

⁸ *Конференция* Организации Объединенных Наций по договорам международной купли-продажи товаров. Вена, 10 марта - 11 апреля 1981 года. Официальные отчеты. Документы Конференции и краткие отчеты пленарных заседаний и заседаний главных комитетов. - Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1981.

⁹ *Венская конвенция* о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. - М., 1994, с. 236.

¹⁰ Сравни, например, пункт 1 статьи 39 или статью 68 в этих двух текстах.

¹¹ *Лукашук И.И.* Международное право в судах государств. – СПб., 1993, с.132-133.

¹² Там же, с. 123.

¹³ “*На международные договоры распространяется общее положение Конституции об опубликовании законов (ч. 3 ст. 15). Только официально опубликованные договоры могут действовать непосредственно*”. - Комментарий к Федеральному закону о международных договорах Российской Федерации. – М., 1996, с. 18; “*Следует иметь в виду то, что часть четвертая статьи 15 не содержит требования официальной публикации международных договоров в качестве неперемного условия их применимости. Можно, однако, утверждать, что международные договоры, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы для всеобщего сведения. Это вытекает из общего правила, установленного частью третьей статьи 15; поскольку в ней говорится о необходимости официальной публикации любых нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, то очевидно, что это требование относится и к нормативным*”.

актам международно-правового характера". - Конституция Российской Федерации. Комментарий / Б.Н. Топорнин, Ю.М. Батулин, Р.Г. Орехов (общ. ред.) - М., 1994, с. 118.

¹⁴ *Российская газета*, 1995, 21 июля; Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 29, ст. 2757. Данный Закон вступил в силу со дня его официального опубликования.

¹⁵ *Ведомости Верховного Совета СССР*, 1986, № 37, ст. 772.

¹⁶ *Комментарий к Федеральному закону о международных договорах Российской Федерации*. - М., 1996, с. 18.

¹⁷ *Галенская Л.Н.* Применение международных договоров в арбитражной практике. - Журнал международного частного права, 1997, № 3 (17), с. 5-6.

¹⁸ "Любое положение статьи 11, статьи 29 или части II настоящей Конвенции, которое допускает, чтобы договор купли-продажи, его изменение или прекращение соглашением сторон либо оферта, акцепт или любое иное выражение намерения совершались не в письменной, а в любой форме, неприменимо, если хотя бы одна из сторон имеет свое коммерческое предпринятие в Договаривающемся государстве, сделавшем заявление на основании статьи 96 настоящей Конвенции. Стороны не могут отступить от настоящей статьи или изменять ее действие".

¹⁹ См., например: Постановление Конституционного Суда России от 17 декабря 1996 г. № 20-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года "О федеральных органах налоговой полиции". - *Российская газета*, 1996, 26 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 1, ст. 197; Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 1996, № 5. Например, в пункте 4 его мотивировочной части говорится: "Конституционное право человека и гражданина, закрепленное в статье 35 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, распространяется на юридические лица в той степени, в какой это право по своей природе может быть к ним применимо".

²⁰ "В "Ведомостях Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР" по представлению Министерства иностранных дел РСФСР публикуются международные договоры, заключенные от имени РСФСР и ратифицированные Верховным Советом РСФСР.

Международные договоры РСФСР, аутентичные тексты которых составлены на иностранных языках, публикуются в "Ведомостях" на одном из этих языков с официальным переводом на русский язык". - *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*, 1990, № 6, ст. 93.

²¹ *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР*, 1990, № 50, ст. 1080.

²² Желаящие, кроме того, могут вспомнить и о публикации Конвенции на русском языке в упоминавшемся в начале статьи официальном издании ООН.

²³ *Актуальные вопросы правового регулирования внешней торговли СССР* / Под ред. М.Г. Розенберга. - М., 1981, с. 82-87; *Бардина М.П.* Конференция о возможности согласования и сближения между ОУП СЭВ и Конвенцией ООН о международной купле-продаже. - *Советское государство и право*, 1989, № 6; *Комаров А.С.* Концепция ответственности за неисполнение обязательств в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров. - В кн.: *Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей. Труды кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД СССР*. - М., 1979; *Материалы семинара по Конвенции об исковой давности и Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров*, разработанным в рамках Комиссии ООН по праву международной торговли. - М., Секретариат СЭВ, 1983, с. 15-17, 54-134, 140-143, 148-191; *Медведев Е., Розенберг М.* Конференция ООН по договорам международной купли-продажи товаров. - *Внешняя торговля*, 1981, № 1; *Мусин В.А.* Международные торговые контакты. - Л., 1986, с. 8-10, 58-71, 74-75, 80-106, 110-115, 144-150; *Мусин В.А.* Порядок заключения договора международной купли-продажи. - *Советское государство и право*, 1985, № 12; *Розенберг М.Г.* Международное регулирование поставок в рамках СЭВ - М., 1989, с. 10-12, 67-72, 98, 130, 133-134, 255; *Лисет Перес Э.* Унификация норм, регулирующих международную куплю-продажу (на примере Конвенции ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров): Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1988; *Спасова-Стоянова Ц.А.* ЮНСИТРАЛ и унификация права международной торговли: Автореф. ... канд. юрид. наук. - М., 1987. - с. 6, 10, 17-25.

²⁴ *Комаров А.* Новое в правовом регулировании внешнеторговых контрактов. - *Внешняя торговля*, 1990, № 12; *Розенберг М.* Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года. - *Хозяйство и право*, 1991, № 2.

²⁵ *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР*, 1991, № 37, ст. 1083.

²⁶ *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*, 1991, № 52, ст. 1865; *Российская газета*, 1991, 25 декабря.

²⁷ *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*, 1993, № 11, ст. 400.

²⁸ Не будем толковать понятие “закон” части 2 статьи 35 “Декларации прав и свобод человека и гражданина” ограничительно, тем более, что точно также поступил и Конституционный Суд России.

²⁹ Насколько известно автору, Декларация была официально опубликована 25 декабря 1991 г. Срок ее вступления в силу в ней самой или в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. не был указан. Соответственно, она вступила в силу 4 января 1992 г.: статья 3 Закона РСФСР от 13 июля 1990 г. “О порядке опубликования и вступления в силу законов РСФСР и других актов, принятых Съездом народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и их органами” предусматривала: “Законы РСФСР, другие акты Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР нормативного характера вступают в силу на всей территории РСФСР одновременно по истечении десяти дней со дня их официального опубликования” - Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1990, № 6, ст. 93.

³⁰ *Собрание* актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993, № 3, ст. 182. Данный Указ вступил в силу с 26 января 1993 г.

³¹ Возможна точка зрения о том, что юридическое значение могла иметь только та внутренняя публикация Конвенции, которая состоялась после 1 сентября 1991 г. (то есть после момента вступления Конвенции в силу для СССР), тогда как вплоть до 1 сентября 1991 г. любые публикации Конвенции носили не более чем научный характер. В таком случае надлежит неизбежно признавать, что возможность применения Конвенции появилась не 1 сентября 1991 г., а позднее, после выхода в свет указанной брошюры М.Г. Розенберга.

Тем не менее, автор настоящей статьи такую точку зрения не разделяет и полагает, что Конвенция могла применяться в отечественном праве именно с 1 сентября 1991 г. благодаря тому, что к этому моменту она уже была опубликована в обычном порядке.

³² *Вестник* Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1999, № 8.

³³ *Приложение* “Экономический союз” к “Российской газете”, 1997, 26 апреля; Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ “Содружество” от 17 мая 1996 г., № 3, с. 55.

³⁴ *Комментарий* к Федеральному закону о международных договорах Российской Федерации. – М., 1996, с. 18.

³⁵ *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации, 1999, № 1.

³⁶ *Галенская Л.Н.* Применение международных договоров в арбитражной практике. – Журнал международного частного права, 1997, № 3 (17), с. 6-7.

³⁷ *Собрание* законодательства Российской Федерации, 1999, № 27, ст. 3188.

³⁸ *Собрание* законодательства Российской Федерации, 1999, № 16, ст. 1938; *Бюллетень* международных договоров, 1999, № 6.

³⁹ *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1990, № 6, ст. 93.

⁴⁰ *Собрание* актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993 г., № 3, ст. 182.

⁴¹ *Бюллетень* международных договоров, 1993, № 6.

⁴² *Ведомости* Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991, № 17, ст. 496.

⁴³ *Российская газета*, 1995, 21 июля; *Собрание* законодательства Российской Федерации, 1995, № 29, ст. 2757.

⁴⁴ *Ведомости* Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 1, ст. 22.